

ТОЧКА НЕВОЗВРАТ А

Сборник стихов

Анатолий Болгов, Валерий Белов, Владимир Мусатов,
Владимир Черемисин, Виктория Бурцева, Геннадий Ростовский,
Денис Коротаев, Дина Немировская, Илья Кулев, Пётр Корытко,
Простолюдника (Галина Филиппова)

Валерий Белов

Точка невозврата. Сборник стихов

«Accent Graphics communications»

2013

Белов В.

Точка невозврата. Сборник стихов / В. Белов — «Accent Graphics communications», 2013

Многим хочется сказать своё слово и непременно стихами. Это неслучайно, так как одним стихотворением можно передать то, что в прозе потребует целой книги. Кто кроме поэта может так сказать: «Зафеврало в марте по-январски»? Кто иной как поэт в нескольких словах может рассказать о целой эпохе? Трудно представить, каким бы был мир без поэзии. Наверное, как без любви. А без любви это уже и не мир вовсе и никакая эволюция не сделает его прекрасным. Читайте стихи, не обделите вниманием и этот сборник. Вы найдёте в нём то, что вас обязательно вдохновит, поможет разобраться в злободневных для вас вопросах и даст возможность по-иному взглянуть на многие проблемы нашей непростой действительности.

© Белов В., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

1. Анатолий Болгов	6
1.1 Красные угли	7
1.2. Мой ноябрь	8
1.3. Мой январь	9
1.4. Ты не верь мне...	10
1.5. С тоской по малой Родине...	11
1.6. Тихо плачет ангел мой, хранитель	12
1.7. Подожди немного	13
1.8. Мои слова из огненной реки	14
1.9. Медовые скрипки	15
1.10 В белом небе вереницы...	16
2. Валерий Белов	17
2.1 Что детей у него будет трое...	18
2.2. Выцветший платок	19
2.3. Интернациональная любовь	20
2.4. Уехать бы в Сибирь деньков на триста	22
2.5. Яблоневое бытие	24
2.6. По субботней Москве прокатились кавказские свадьбы	25
2.7. День – щенок благодарный	26
2.8. Изменились времена окаянные	27
2.9. Лучник, в цель жизни стреляющий, мученик	28
2.10. Человек хороший жил бы ещё	29
3. Владимир Мусатов	30
3.1 Русское танго	31
3.2. Последний фронтовик	33
3.3. Девчонка на обочине	34
3.4. Моя женщина	35
3.5. Спасибо!	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Валерий Белов, Геннадий Ростовский,
Владимир Мусатов, Владимир Черемисин,
Виктория Бурцева, Денис Коротаев,
Дина Немировская, Илья Кулев,
Петр Корытко, Простолюдника
(Галина Филиппова), Анатолий Болгов
Точка невозврата**

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Анатолий Болгов

<http://www.chitalnya.ru/users/bolgov53/>

1.1 Красные угли

Красные угли предстали седыми,
Жар уплывает, пустынно ли, зябко ли,
Утро нахлынуло в сумраке дыма
Гулкими искрами света на зеркале.

Далее блики ушли в зазеркалье
И отразились у таинства богова,
Где наши души созвездья лакали,
Плазмой пытаюсь согреть своё логово.

Дай же мне света, где думе вольготно,
Видишь, печали свернулись калачиком.
Знаешь, судьбе моей счастье угодно,
А не угодно, так горе расплачется.

Жизнь пролетела, что дверь проскрипела.
Эх, отразиться бы новыми эхами!
Знаешь, приятель, мне искренне пелось,
Только то пенье под чуждыми вехами.

Звёзды мечты индевелыми стали,
Тихо хрустят под ногами, что россыпи.
Только бы сердце любить не устало,
Сложно ли, просто ли божеской особи.

2012

1.2. Мой ноябрь

Среди могил на нервную межу,
Протопанную временем и нами,
Упал ноябрь. Листьями пожух
Забытый богом плачущий орнамент.

Срывает ветер за листком листок,
Слюнявит слякоть летнюю страницу,
Придёт и лёд, он выстудит восторг
От слов любви и радости на лицах.

Хвороба хлябь гноится в окоём
Закручен обод странствия восьмёркой,
Теряю буквы со стиха в разъём,
В пучину боли от живых и мёртвых.

Сойдёт мученье с кончика пера ль,
А может с трассы мёбиусной ленты,
Завьётся жизнь в потужную спираль,
В гнездо могил у скал из монументов.

2011

1.3. Мой январь

Январский ветер лижет облака
Лакает пух молочный в поднебесье.
Уходит солнце в огненный закат,
Стучит мороз по инеевой взвеси.

Ложатся спать поляны и леса
Во льды и снег узорной колыбели.
Органным елям снятся небеса,
Они о лете им недавно пели.

Стоит луна в промёрзлой темноте,
Роняя свет на хрупкую тропинку.
Идти мне долго по дорогам тем,
Ведущим душу в русскую глубинку.

О, как тепло от окон и дверей!
Забыл их Бог иконами в просторе.
Здесь даже вою выгнанных зверей
В ознобе сердце на гармонии вторит.

2013

1.4. Ты не верь мне...

Ты не верь, что мне так тяжело.
Мне легко, до умопомрачения.
Видишь, заживает. Ожил
И в апреле выдалось свечение.

Не смотри, что я тоской объят,
Не дивись напраслине в испуге.
Я услышал ржанье жеребят
И увидел солнечные дуги.

Ах, апрель, и солнце всё ясней,
Ах, друзья, мне возрождаться снова!
Ах, старьёвщик времени! Во сне
Надеваю рухлядь, как обнову.

2013

1.5. С тоской по малой Родине...

Здравствуй Родина, вроде бы близкая,
Но далёкая, как никогда.
Что ты сердце ладонями тискаешь,
Там журчит неживая вода.

Мне бы омуты вымерять плачами,
Да родился твоим палачом.
Мне бы в детство свернуться калачиком
И прижаться к уюту плечом,

Да раздут петербургскими планами,
Что нутро и судьбу тербят.
Мне б тебя обустроить, желанная,
Но уехал и предал тебя.

Всё пылаю огнём неприкаянным,
Что Иван, позабывший родство.
Я прибил к улыбочке каменной,
Где барыш и война естество.

Всё надеюсь – вернусь, долгожданная,
Выпью ветер с раздольных степей.
Ты в рожденье мне Господом данная...
Я вернусь перед смертью к тебе.

2013

1.6. Тихо плачет ангел мой, хранитель

Анне

Отклик на «Да, я знаю»

Бродят мысли в черепной коробке —
Что позволит вечно юным быть?
Мне б кричать о времени неробко,
Только суть вся – если б, да кабы.

Знание всегда неторопливо,
Вечность не приемлет суеты.
Перед ней мальчонка я сопливый
Требующий смысла и еды.

Может быть, по замыслу Вселенной
Мне гадать на пыли мотылька,
Чтоб сравнить себя с юдолью тленной,
Фразой смерти, взятой с потолка,

Что навис над сумрачностью склепа
И молчит: «To be, or not to be...».
Жизнь мила, а смерть всегда нелепа.
Но её возможно ль полюбить?

Сможет разум с этим согласиться?
Можно ль вырвать жизни из оков,
Где сгорают в платицах из ситца
Над кострами тучи мотыльков?

Просто пойте – шейте сарафаны.
Просто шить, и в этом счастья код.
Что мне мыслить, знают и профаны:
«Радостно встречайте каждый год!»

Колет только боль без остановки,
Я протыкан звёздной иглой.
Смерть стоит за каждой обновкой.
Что сокрыто за безмерной мглой?

Обелиски в мраморе, граните ль
Или деревянный русский крест?
Тихо плачет ангел мой, хранитель,
Шумно звёзды падают окрест.

2013

1.7. Подожди немного

Уплывают вёсны в лодочке на вёслах,
Сложенной ладонью на груди,
Убегают плёсом, тая за утёсом,
Обретая звёздные пути.

Неподъёмной мыслью, бездной коромысла
Падает на сердце Млечный Путь.
Всё пою, болезный, в этот век железный,
Так и не желая отдохнуть.

«Не пылит дорога, не дрожат...»¹ – ах, много
Не сумел я нужного сказать.
Проплывают годы и уходят гордо
Сквозь мои усталые глаза.

Милая Россия, в образе осиною
Я растратил добрые слова.
Что скулить мне псиной и не лучшим сыном,
Всё одно, никчемна голова.

2012

¹ М. Ю. Лермонтов

1.8. Мои слова из огненной реки

Дожди замёрзли, вывалились пухом,
Накрыли гнёзда летних соловьёв.
Уходит осень, шаркая старухой,
По белой краске в несколько слоёв.

Ложится в иней, где кристаллов шёпот,
В успенье вод, накрытых новым льдом.
Живу мечтой – ах, если б, хорошо бы
Вошла отрада в мой усталый дом.

Я жду тебя, хочу цветком приветить
Весенним утром, выскоблив полы,
Чтоб ты, босая, лучшая на свете,
Вошла ко мне без горя и хулы.

Всё как всегда, семь бед, но нет ответа,
Вопросы гнутся в острые крюки.
Стоит судьба, готовая отведать
Мои слова из огненной реки.

2012

1.9. Медовые скрипки

Алексею Мусатову

Мастер дряхлеющий щепочки склеивал,
Стройные плоти из мёда и муки.
Перед кончиной ветрами обвеивал
В мудром скреплении вечные звуки.

Также и мы собираем старательно
Кто-то умом, ну, а кто-то и сердцем,
Строки, где тайна у бога украдена,
Где немота устремляется в скерцо.

Знаешь, приятель, мы скоро состаримся
В годы войдём и утонем бесследно.
Что закручинился? Мы же останемся,
Может быть, скрипкой на облаке бледном.

Пух тополиный ветрами уносится
В дали, где станет сказанием пыльным.
Самое верное, друг мой занозистый,
Нам искупаться в бессмертье ковыльном.

1983. 2012.

1.10 В белом небе вереницы...

В белом небе вереницей огибают Землю птицы,
Отпевая белый день.
Вяжут мысли тонкой спицей, облакая в небылицы,
Обаятельную сень.
Улыбаясь над криницей, умываются зарницы,
Где эдемская тень.
Мне осталось помолиться на околице страницы
И покинуть толщу стен.

Деревянными крестами забиваю в жизни ставни,
Для простора – я простой.
Провожая взглядом стаи, ухожу печалью в старость,
Повторяя только стон.
Высыхаю пылью стариц, высыпаю, что осталось,
Утоляя чёрный сток,
За которым новой тайной, заколдованной в усталость,
В белый день пробью росток.

2009

2. Валерий Белов

<http://www.chitalnya.ru/users/belov2/>

2.1 Что детей у него будет трое...

Получив инструктаж, знал, что ждёт впереди —
Полегло до него здесь немало.
А желание жить, как заноза в груди,
Человеку уснуть не давало.

Что он думал о славе, сказать не берусь,
Только правило знал он простое —
Если ты не предатель, не шкурник, не трус,
Обязательно будешь героем,

Как бы ты ни погиб, даже с прочими в ряд
Похороненный в общей могиле...
Выжить шанс невелик, но он есть, ведь не зря ж
Человека для жизни крестили.

Для бесбойной отцепки сложил парашют,
Запасную приладил обойму,
Даже зная, в какое их пекло пошлют,
Он мечтал перед завтрашним боем:

Вот окончится чёртова эта война
И его наградят перед строем,
А ещё – есть в деревне девчонка одна,
С ней детей у него будет трое.

В темноту, как в загробную жизнь, улетал
Самолёт за разрывы орудий.
Рванный воздух гребли под себя два винта,
Крохи жизни у смерти воруя.

За момент до того, как достиг альтиметр
Обозначенной всем цифры восемь,
Третьим с края сидел человек на скамье
В ожиданье команды «Готовься!»

Впопыхах собиралась солдата душа
В рай, где дверь перед нею откроют,
А он думал, сжимая в руках ППШа,
Что детей у него будет трое.

2.2. Выцветший платок

Слезами мокнет небо наших щёк,
Как крылья птицы выцветший платок,
А что там в складках у него шуршит?
То соль от нашей высохшей души.

Платок ты этот можешь простирнуть,
Прервётся в поднебесье птицы путь,
Дождём обид прольётся на фаянс
Что раньше отболело внутри нас.

Все тучи уплывут за горизонт,
И крылья птицы сложат точно зонт,
А то, как плачет небо наших щёк,
Расскажет только выцветший платок.

2.3. Интернациональная любовь

Посвящено Бурмистровой М. Я.

К тебе как в храм любви спешу походкой светской,
А будь татарин я, то шёл бы как в мечеть.
Я кротостью твоей, сродни улыбки детской,
Сражён, мой милый друг, сильнее всех мечей.

Тевтоном на Руси в железном облаченье
На озере Чудском я по тебе тащусь.
Настолько велико к тебе моё влечение,
Ты только прикажи, под лёд я провалюсь.

Когда с тобою я в томительной разлуке,
Мне с думой о тебе весь день ходить не лень.
Меня влекут твои пленительные руки,
Им добровольно я готов отдаться в плен.

Податлив я, как лён, вей из меня верёвки.
Веди меня в ту степь и взнуздывай меня.
Ты мною управляй, я на подъём нелёгкий,
Но под тобой живею задорного коня.

Когда б я был гусар, как наш Денис Давыдов,
Поэтов всех мастей тебя б заставил петь,
Я сам к тебе в полон французом пленным выдан
И стал ему под стать галантен как медведь,

Попавшийся в капкан. О чувствах беспардонно
Расскажет на весь мир счастливейший мой рык
Про то, как угодил я в омут глаз бездонный,
А был бы я узбек, сказал бы, что в арык.

Но ты меня простишь, что не хожу к обедне,
За мыслей кавардак и помыслов бедлам.
Прикажешь, наступлю я на ухо медведем
Вдыхателям твоим иль просто в ухо дам.

Накал страстей сродни Шекспиру Уильяму
В моей груди как смерч загнал меня впросак,
И рухнул я под ним в безвылазную яму.
Да ты же fell in love – сказал бы англосакс —

Когда упал в любовь, не надо лицемерить,
Не выползал ещё из ямы той никто.
Поэт – не конь в пальто, но врёт как сивый мерин.

И как ты низко пал... А я б сказал – «А то!»

По-ихнему, of course, да я упал, конечно,
В любовь упал, мой друг, по-нашему – попал.
Будь я Омар Хайям иль перс иной беспечный,
Тебе бы на фарси я оду написал.

Но я не англосакс, не перс и не татарин,
Хотя ни одного из них я не хую
И более того скажу: спасибо, парни.
Без них не передать, как я тебя люблю.

2.4. Уехать бы в Сибирь деньков на триста

Уехал бы в Сибирь деньков на триста,
В карманах рюкзака с собою взял
Том Гегеля, «Записки декабриста»
И тёплые носки, без них нельзя.

Обосновался бы в верховьях Лены,
По азимуту даже не доплыть.
Не потому, что я боюсь измены,
А чтобы имя Лена не забыть.

Сушил грибы, ловил бы я подуста,
Чай кипятил на пламени свечи.
Не потому, что дров в тайге негусто,
А чтоб не греть напрасно кирпичи.

Грешно тепло переводить впустую.
О теплоте слагал бы я стиши,
Не потому, что я по ней тоскую,
А потому, что рядом ни души.

На лодке б написал «Великий Ленин»,
Нанайцы мне бы отдавали честь
Не потому, что человек был гений,
А с Леной общее меж ними есть.

Писал бы письма, злился бы чертовски,
Что почта возвращает их назад
Всё потому, что в адресе московском
Я бы пометку делал – в Ленин град.

Китайцы возвели меж нами стену.
Но не за это я на них взбешён,
А потому, что иероглиф Лена
В грамматике китайской не нашёл.

Весеннего дождавшись потепленья,
Я б на «Великом Ленине» уплыл,
Чтоб городской опять предаться лени,
Елене посвятить остаток сил.

Очередные пролежу полгода,
Я до безделья жадный, как упырь.
Но такова мужицкая порода —
Я снова заканючу про Сибирь.

Из городского не сбежать мне плена.
Елена мой не выполнит каприз,
За мною не рванёт в верховья Лены,
Да я и сам, увы, не декабрист.

2.5. Яблоневое бытиё

В маленьком семечке спряталось яблони деревце...
Семечко яблони – Татьяна Васса

В маленьком семечке спряталось яблони деревце,
В лоне земли ему быть эмбрионом и девицей
Красною стать, украшением сада, усадьбы
И осыпать всю деревню цветами на свадьбы.

Завязь растить ей природой даны полномочия,
Мыть под дождём и спасать молодь от червотчины
Той, что наносит ветрами откуда незнамо,
Это уже не сквозняк, а семейная драма.

Яблоки сплошь краснощёкие мать в люди вывести
Думает, чтоб на прилавках к ним ценники вывесить...
Знать бы ей, что привлекательность – путь в группу риска,
Семечко малое лишь сохранится в огрызке.

Яблоню срубят, когда разорится имение,
Но жизни цикл не прервать топором в исступлении.
Вцепится в землю и пустит глубокие корни,
Непривитыми дичками кого-то накормит

Простоволосая яблоня, впредь за околицей
Ей пребывать – где расти, выбирать не приходится.
А для чего прорасти ей ветвями сквозь время?
– Чтобы оставить потом только малое семя...

2.6. По субботней Москве прокатились кавказские свадьбы

По субботней Москве прокатились кавказские свадьбы,
Разрывая гудками машин ненавистную им тишину.
Бывший антисемит злился на подмосковной усадьбе.
Недоумок-скинхед бил индуса, спасая страну.

Петербург задыхался от нечисти и безобразий,
Что творила элита, схвативши народ за гортань.
В этот раз Колыбель наплодила на свет столько мрази...
Впрочем, в деторождении ей не уступит Рязань.

Из Воронежа мрак от чиновничьего беспредела
Полз с экранов ТиВи, погружая страну в геноцид.
У парадных подъездов толпа возмущенно гудела,
Обостряя у местных чинуш дерматит и цистит.

А в Хабаровске люди пасхальные красили яйца,
Минус десять в квартире минувшей зимой испытывав.
Депортации ждали вчерашние братья-китайцы,
На товарный состав изумлённые лица задрыв.

Божий Сын отдыхал от забот, упирались колени
В дальние острова, что хранили снегов белизну.
На богатствах страна, развалившись собакой на сене,
Почивала, покуда японцы глотали слюну.

Красна девица встанет, нарядится к праздничной мессе,
Сгонит мух с алтаря, улыбнётся ей ангел с небес,
Дух святой низойдёт, как услышит – Иисусе воскрес,
И ответит уставшим: Воистину люди воскрес!

2002

2.7. День – щенок благодарный

День израненным зверем
В дверь стучится мою.
Что умрёт он, не верю,
Я ему отворю.

Я зажгу ему свечку,
Чтоб хоть чем-то помочь,
Уложу спать под вечер
И укутаю в ночь.

День щенком благодарным
Мои губы лизнёт,
Завернувшись в Стожары
Будет греться от звёзд.

А под утро померкнет
Лун рассеянный блеск.
День тайком на рассвете
Убежит в дальний лес,

Чтобы к вечеру клячей
Еле ноги влачить
И дневные болячки
Звёздным небом лечить.

2.8. Изменились времена окаянные

Изменились времена окаянные.
В стрингах пляшет у шеста красна-девица
Перед мордами от дури румяными,
А скинхед безмозглый наголо бреется.

По программам разбрелись люди лучшие,
Только слова не услышишь там путного.
А кто храмы посещает по случаю
Патриархов с олигархами путают.

Для того ли брали Зимний товарищи,
И стреляли в Белый дом их противники,
Чтобы нам теперь страдать от вульгарщины,
И лечиться не в лугах – в платных клиниках?...

Как бы вытащить всех с нового Зимнего,
Да пройтись по мордам, с жира лоснящимся?
И хоть просьба эта невыполнимая,
Да поможет нам в ней Мать Скорбящая.

2.9. Лучник, в цель жизни стреляющий, мученик

Лучник, в цель жизни стреляющий, мученик,
Юность, познавшая пыль бездорожья,
Был ли у вас ненадежный попутчик,
Ангел, земным притяженьем стреноженный?

Хмырь-поводырь вас водил, да обманывал,
Россказни сказывал, нечисть двуликая,
Ересью ласковой в сети заманивал,
Наспех плетёные белою ниткою.

Шли вы за ним, обрезаясь осокою
На мелководье и на малодушии,
В небо стреляли и цели высокие
Падали с неба подстреленной тушкою.

Стрелы пускали попасть в невозможное,
А попадали всё больше в ненужное
С тайной надеждой, что цель поражённая
Вдруг обернётся царевной-лягушкою.

Путь уточняя на редких прогалинах,
С лешими вы наигрались в напраслину.
За неудачи себя не ругали вы,
И потому жизнь прожили прекрасную.

2.10. Человек хороший жил бы ещё

Человек хороший жил бы ещё,
Но однажды пьяный выплыл в поддёвке...
А вдове его был выставлен счёт,
Что утоп её мужик без путёвки.

Ей потери горькой не подсластить,
Землянику собирать стало негде,
Всё, что можно на Руси откусить,
Пребывает в долгосрочной аренде.

В лес соседский деду выйти нельзя
Под угрозой огромного штрафа,
Если только состоятельный зять
Из бандитов старику не потрафит

И позволит на охоту сходить,
Пропуск выпишет пройти за калитку,
Ходатайство даст ружьё прикупить —
Инвалидам ведь по зрению скидка.

На огромнейших гектарах жильё
Под себя переписали вельможи,
А простому человеку под лёд
Лишь за деньги провалиться возможно.

Хорошо ему на всё бы забить,
Но чтоб в лучший мир пожаловать в гости,
Надо весь остаток жизни копить,
Чтобы место оплатить на погосте.

И кому вменить он сможет в вину,
Что исчезла та страна безвозвратно,
Где когда-то человек на Луну
Выл, представьте, абсолютно бесплатно?

3. Владимир Мусатов

<http://www.chitalnya.ru/users/kniga/>

3.1 Русское танго

Довоенный цирк рукоплескал —
На арене, сделав твёрдый шаг,
Он самозабвенно исполнял
Номер «Эквилибр на першах».

Перш держал на лбу, а на перше
Продолжали это рандеву
Три гимнаста – все на кураже...
Я смотрю на снимки и реву.

Отказавшись от своей брони,
Добровольцем он ушёл на фронт.
Так прощался с каждым из родни,
Будто знал, что будет наперёд.

Силачу такому фронт был рад —
ПТР вручили и в окоп
Танки бить в упор, в разрыв, впопад,
Целясь зверю вражескому в лоб.

И в одной из танковых атак,
В адских взрывах, в адовом дыму
Возле ног его рвануло так,
Словно в клочья рвали свет и тьму.

Он очнулся в мареве утра.
– Что со мной? – спросить лишь только смог.
– Будешь жить, – смутилась медсестра. —
Ведь живут на свете и без ног...

О другом немного рассказал
Военврач приехавшей родне.
Как же тот рассказ родню терзал,
А теперь терзает сердце мне.

...На поправку шёл наш фронтовик,
Но не мог смириться с тем, хоть плач,
Что без ног жить будет каждый миг,
Он – красавец, богатырь, циркач.

Жаркий воздух сумрачно дрожал
В танго русском, горестном, когда
Пел Шмелёв: «Мне бесконечно жаль...»
И ему – «Жаль» – вторила звезда.

У окна, распахнутого в ночь,
Он лежал, и вдруг рванув к стене
От того, что жить уже невмочь,
Стойку сделал на руках в окне.

Там под танго русское кружил
И шептал последнее «Прости...»
Он артистом здесь недолго жил,
И решил артистом он уйти.

Опустело звёздное окно —
Он в прыжке закончил эту роль.
Расплескалось танго, как вино,
На земле оставив «только боль».

Ну а те, кто видели во тьме
Тот смертельный номер «Эквилибр»,
Написали нам в своём письме,
Что от ран тяжёлых он погиб.

У меня другая правда есть:
Как в колодце искорку на дне,
Вижу часто там, где звёзд не счесть,
Ангела безногого в окне.

Он меня пытается хранить
И отводит крыльями беду —
Это дядя мой хотевший жить,
Я к нему когда-нибудь приду.

3.2. Последний фронтовик

Услышат ли Россия и родня
Своей земли немой глубинный крик,
Когда уйдёт за линию огня —
В закат и в ночь – последний фронтовик?

Да, обелиски, звёзды и кресты,
Да, братские могилы на века,
Но впредь уже у памятной плиты
Живого не найдём фронтовика.

Он будет вечен – наш огонь сердец,
Но как же больно, устно иль в строку,
«Спасибо, героический отец!» —
Живому не сказать фронтовику.

Я верю сердцем, матушка-земля
Туманом занавесит, словно лик,
Заплаканные русские поля,
Когда уйдёт последний фронтовик.

3.3. Девчонка на обочине

Исхлёстанная ветром и дождём,
Как плетью бесноватого садиста,
Стояла у обочины гвоздём
Девчонка, так себе, «рублей за триста».

Худая, остролицая, в джинсе,
Протёртой не по моде – по несчастью,
Она смотрела на машины все,
Нет, не глазами – их незрячей частью.

Автомобили, сбитые в стада,
Бежали так, как будто бы вживую
Водители сгорали от стыда
За малолетку эту плечевую².

Пусть не заплачет небо, и до дна
Дождями поднебесье проливая,
Поплакать бы девчонке, да она
Стояла под дождём как неживая.

Никто не останавливался там,
Но вот возник – гадливого негодней,
Открылась дверь и юная мадам
Нырнула вниз, как в ночь из преисподней.

А дождь хлестал машины и шоссе,
Гонясь за той, где девочка сидела,
Худая, остролицая, в джинсе,
Не слыша даже собственного тела.

² Плечевая – придорожная шлюха

3.4. Моя женщина

Мне любви не хватает такой,
Чтоб дорога стелилась цветами,
Где идёт и ступает легко
Моя женщина поздних свиданий.

Я вымаливать долго готов,
На камнях разбивая подошвы,
Чтобы путь из осенних цветов
Для неё не кончался подольше.

Не устану я верить в цветы,
Где почти с грациозностью лани
Ты идёшь и волнуешься ты,
Моя женщина поздних желаний.

И в лугах, в стороне от дорог,
Твой наряд из ромашковых платий
Лепестками срывать бы я мог,
Моя женщина поздних объятий.

Пусть спешит к нам снегами метель,
И дорога всё лунней, всё звёздней,
Мы цветами расстелем постель,
Моя женщина осени поздней.

3.5. Спасибо!

Ты чувствуешь, небо к тебе благодушно —
Дарует картины весенние в цвете.
А что ещё нужно? А что ещё нужно!
Живи и не думай сегодня о смерти.

Цени эту щедрость за краткость и меру,
Такое потом повторится едва ли,
Весь мир принимать безоглядно на веру
Тебя, как на праздник, сегодня позвали.

Скорее, скорее забудь про тревоги,
От неба бери любованье светом,
Такое, поверь мне, даётся немногим,
Но, впрочем, не думай, не думай об этом.

Спеши насладиться цветными лучами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.